

М. В. ЯРОШУК

Беларусь, Брест, Брестский государственный университет имени
А. С. Пушкина

МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ВИД РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Феномен манипуляции играет важную роль в политическом дискурсе, поскольку с его помощью достигается основная цель политического дискурса – завоевание и удержание власти. Манипуляцию Е. Л. Доценко понимает как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [1, с. 23].

Таким образом, манипулирование рассматривается как процесс использования людей для реализации собственных целей. Адресаты в таком случае превращаются в объекты манипулирования, воля которых не имеет для манипулятора значения. Действия, совершаемые над манипулируемым, неведомы, а зачастую и скрыты от него. Целью любой манипуляции является скрытое побуждение человека к определенным действиям, к изменению системы взглядов, ценностей и установок. Манипуляция успешна тогда, когда манипулятор сохраняет иллюзию свободы выбора решений и манипулируемый не осознает самого факта воздействия и полагает, что он действует по собственной воле.

Основным орудием манипулирования в политическом дискурсе является язык. О. Н. Быкова характеризует речевое манипулирование как «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [2, с. 99]. Способы языкового манипулирования разнообразны и осуществляются на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Но, безусловно, самым широким является лексический уровень манипулирования.

Высоким манипулятивным потенциалом обладают эвфемизмы. Под эвфемизмом понимается «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное» [3, с. 831].

Определим основные функции эвфемизмов в политическом дискурсе. Собственно-эвфемистическая функция связана с существованием табуированных лексических единиц, которые коммуникатор боится употреблять в своей речи. Самым высоким показателем табуированности является тема смерти.

Интенциональная функция используется для манипулирования сознанием адресата, что помогает говорящему утаить информацию. В данном случае эвфемизмы используются преимущественно для отвлечения от той или иной де-

тельности, носящей негативный характер. Особенно остро это проявляется при описании военной агрессии. Эвфемизация помогает представить эту ситуацию в более выгодном свете.

Контактоустанавливающая функция проявляется в намерениях политического деятеля установить контакт с аудиторией. Избегая прямых наименований, которые могут оттолкнуть адресата, политик создает условия для продуктивного общения с помощью эвфемистической лексики. Например, Х. Клинтон активно использует эвфемизмы с целью реализации политической корректности, создавая тем самым модель идеальных людей в идеальном обществе: *“And we are going to reach out to every boy and girl, as well as every adult, to bring you in to working on behalf of our country”* (Presidential Debate at Washington University, October 9, 2016).

В настоящее время метафора рассматривается как когнитивный инструмент, структурирующий мышление человека, а также создающий его картину мира. Метафорический образ позволяет человеку осмысливать окружающий мир посредством уже имеющихся образов.

Интерес к изучению когнитивных метафор в рамках политической лингвистики объясняется тем, что данное средство является мощным инструментом воздействия на сознание аудитории.

Подробную классификацию политических метафор изучил А. П. Чудинов, который выделил четыре тематические группы:

- Группа антропоморфных метафор, к которой относятся следующие тематики: «Физиология», «Болезнь», «Семья».
- Группа артефактных метафор, к которым принадлежат метафоры тематики «Дом», «Механизм».
- Группа природных метафор, связанных с флорой и фауной.
- Социальные метафоры, связанные со сферой «Преступность», «Война», «Театр», «Игра», «Спорт» [4].

В политическом дискурсе метафора не только придает выразительность речи политика и способствует ее запоминанию, но и помогает понять сложные политические реалии.

Так, К. Д. Ландсхеер отмечает, что по частоте использования метафор можно судить об экономическом положении в стране. Согласно ее гипотезе, частое использование метафор свидетельствует о наличии кризиса в стране [5].

В следующем примере намек на гастрономическую тему (съесть скандал на завтрак) показывает, что на языке политических метафор «съесть» – означает победить: *“Republicans must realize that scandals don’t weaken Hillary Clinton; they only make her stronger. Hillary Clinton eats scandals for breakfast* (Bill Maher, September 22, 2015).

Метафоры, понятийной сферой которых являются деньги, были и остаются популярными. Так, Дональд Трамп метафорически сравнивает предвыбор-

ную компанию Хиллари Клинтон «с ложью стоимостью в 38 миллионов долларов», что добавляет оттенок язвительности и иронии его выступлению: «*I don't think I've ever heard so many horrible things said about me in one week. 38 million dollars worth of horrible lies*» (Donald Trump, Victory Speech, Press Conference after Winning Mississippi, Michigan, March 9, 2016).

Как мы видим, метафора – один из наиболее существенных методов воздействия на аудиторию, а использование концептуальной метафоры в политическом тексте позволяет перестраивать сознание адресата.

Особой популярностью в политических выступлениях пользуется ирония, позволяющая политике не только придать выразительность своему выступлению, но и поддержать политический имидж. Политические деятели, которые не воздерживаются от иронии в своих политических выступлениях, имеет более успешную карьеру, чем те, кто следует строгой официальности в коммуникации. Политическая ирония является важной составляющей языковой личности. Она содействует преодолению дистанции между политическим деятелем и аудиторией, а также делает его речь более доступной и выразительной [6]. Ирония, будучи одним из средств речевого манипулирования, «представляет собой синтез идеологического процесса и лингвистического явления, функционирующий в политическом дискурсе как механизм смыслопорождения и интерпретации политических реалий» [7, с. 182]. Сегодня ирония трактуется не только как вид тропа, а именно как «дискурсивное явление, которое позволяет говорящему передать значение, противоположное буквальному, не будучи при этом грубым и прямолинейным, с целью произвести юмористический, иронический, саркастический эффект – в зависимости от того или иного контекста высказывания» [8].

Many of you know that I got my name, Barack, from my father. What you may not know is: Barack is actually Swahili for "That One". And I got my middle name from somebody who obviously didn't think I'd ever run for presidency (Barack Obama 2008, Al Smith Dinner). В данной цитате показное хвастовство соседствует с долей самоиронии – намек на среднее имя Хуссейн (неприятная аналогия с Саддамом Хуссейном).

Таким образом, основная цель манипулятивных стратегий – воздействие на электорат. Наиболее часто в политическом дискурсе используются стратегии самопрезентации и борьбы за власть. Текст политического выступления богат различными лингвистическими приемами, стратегиями и тактиками, которые направлены на достижение прогнозируемого результата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – М. : ЧеРо, 1997. – 344 с.
2. Быкова, О. Н. Языковое манипулирование / О. Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1991. – № 1. – С. 99–103.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Сов. Энциклопедия, 1978. – 847 с.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 155 с.
5. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале / А. П. Чудинов // Рус. Речь. – 2001. – № 1. – С. 34–41.
6. Landtsheer, Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. de Landtsheer // Communication and Cognition. – 1991. – Vol.24, № 3/4.
7. Дмитриев, А. В. Социология политического юмора / А. В. Дмитриев. – М. : РОССПЭН, 1998. – С. 94–147.
8. Горностаева, А. А. Политика и ирония: совместимость и взаимодействие / А. А. Горностаева. – М. : ИПЦ «Маска», 2015. – 205 с.